

*Коннор, которая родилась
и выросла в Джорджии.*



ПРАВИЛА ИГРЫ

**Наблюдения о пригородной жизни
в Свит-Эппле, штат Джорджия**

Автор: Ваша Соседка

Пост № 1: Бульдозеры и белые «Кадиллаки» — настоящее проклятие!

Сегодня женщина в парикмахерской спросила, где я училась краситься. Я сочла это комплиментом, потому что всегда забочусь о коже, чтобы она была гладким холстом, куда я потом буду наносить краски. Я сразу поняла, что эта женщина — не местная. По акценту. И по вопросу. У нас на Юге любая уважающая себя мать сама учит свою дочь краситься. Мне кажется, в отдаленных уголках Юга, в дельте Миссисипи например, девочки рождаются с кисточкой для макияжа в руке. Ну, может, это только слухи, но вы никогда не замечали, сколько «Мисс Америка» родом из Миссисипи?

Она попросила меня сказать несколько слов, типа «душечка», и «галиматья», и «черт меня побери», чтобы послушать мое произношение, а потом ни с того ни

с сего спросила, слышала ли я, что тут неподалеку повесили невинного. Мне пришла в голову внезапная и довольно неприятная мысль: не думают ли приезжие, что у нас тут в Свит-Эппле какие-нибудь «Унесенные ветром» или «Ночь, когда погасли огни в Джорджии»? Поэтому я решила завести блог, своего рода руководство для прибывших сюда. Пусть немного образуются, узнают хоть чуть-чуть о Юге и его порядках, прежде чем совершить какую-нибудь глупость, вроде как нацепить белые штаны после Дня труда или заявиться на похороны без гостинцев в утешение.

Как все приличные разговоры, этот, думаю, нужно начать с погоды. Для тех приезжих, которые еще не поняли, что мы, местные, называем парилкой, летняя жара наступает внезапно. Цикады начинают подавать сигналы предупреждения, и прежде чем древесные лягушки начнут рыгать в унисон, приходит лето.

Но если вы живете в новом районе, то ни цикад, ни лягушек вы не услышите сквозь непрерывный грохот систем вентиляции, которые установили себе все ваши соседи и которые целый день трещат, будто соревнуясь, какая громче.

Мне хотелось бы попросить выключать кондиционеры хотя бы по вечерам, когда становится прохладнее, и ради разнообразия слушать самих себя. Может, вам даже удастся услышать голоса соседей. Хорошо думать, будто мы живем внутри мыльных пузырей, оснащенных вентиляцией, но это не так. Мы вынуждены делить свободное пространство с нашими соседями. Не забывайте, что Господь завещал нам их любить, каким бы трудным это порой ни представлялось. Например, когда они голосуют за то, чтоб снести бульдозером чужую

ферму, или паркуются на пожарном проезде к супер-маркету, или подрезают меня на своем белом «Кадиллаке» (иногда это «Мерседес», или «БМВ», или даже обычная «Хонда», но непременно белая), хотя я-то еду с нормальной скоростью. Даже если вы опаздываете на химический пилинг, это все равно не дает вам права меня подрезать, и не важно, насколько неровная у вас кожа. Это не по-соседски, вот и все.

Да, Господь завещал нам любить соседей. Но я не могу отделаться от фантазий на тему тысяч и тысяч различных способов избавиться от некоторых из них. Насовсем. Слава богу, это только фантазии.

Глава 1

МЭРИЛИ

Свит-Эннл, Джорджия, 2016 год

Если Мэрили Талбот Данлап что и усвоила за одиннадцать лет брака, так это простой факт: можно прожить с человеком целую вечность и при этом не понять, что он за человек такой. Легко принимать ту маску, которую он всегда носит, за истинное его лицо и пребывать в счастливом неведении, пока однажды маска не соскользнет. Или, как в случае Мэрили, не свалится, оставив вас посреди маскарада разбираться с новыми проблемами.

Конечно, это не она вынудила Майкла завести роман с математичкой их дочери-третьеклассницы. Но она допустила это, никогда не задаваясь вопросом неполадок в их семейной жизни, уверенно играя роль жены и матери, пока декорации и сценарий вдруг внезапно не сменились и ее не попросили покинуть сцену.

— Мама?

Мэрили повернулась и посмотрела на дочь, десятилетнюю Лили. Светловолосая и стройная, как отец, от матери она унаследовала постоянно озабоченное выражение лица. Казалось, Лили родилась с хмурой складкой между бровями. Прошедшие месяцы, за ко-

торые она пережила развод родителей, и предстоящий переезд, конечно, не могли пойти ей на пользу.

— Да?

— Что, если в новой школе я не смогу ни с кем познакомиться? И никто не станет сидеть со мной на ланче? Что, если я слишком глупая для класса с углубленным английским?

Мэрили осторожно накрыла крышкой пластиковый контейнер со своей коллекцией старых карт. Она собирала их с самого детства, когда ходила с дедушкой в магазин раритетных книг и он показал ей карту, нарисованную чернилами. На ней были наброски фигур лошадей и коров, бревенчатой хижины, из трубы которой валил дым.

— Вот тут ты и живешь, — сказал дедушка, указывая на хижину.

Она была совершенно не похожа на кирпичный дом с белыми колоннами в Сандерсвилле, где она прожила всю свою жизнь, — Мэрили так и сказала дедушке, но он ответил: хижину и все, что рядом с ней, снесли, чтобы освободить место для их дома и домов по соседству, в двадцатые годы, когда ни дедушка, ни бабушка еще не родились.

Потом ей долго снились кошмары — она слышала крики жителей хижины и сомневалась, что их предупредили, прежде чем снести их дом. Она до смерти пугалась, думая о том, как страшно жить, если твой дом, твою семью, твою жизнь в любой момент могут разрушить, как песочный замок. Когда погиб ее маленький брат, она наглядно в этом убедилась.

Дедушка купил ей ту карту, еще не зная, что с нее началось увлечение длиной в жизнь. Мэрили не знала,

любит ли она карты потому, что они напоминают ей о дедушке, который был для нее дороже родителей, или потому, что ей нужны доказательства того, как меняется жизнь. Не важно, хорошо все или плохо — это обязательно изменится.

Мэрили опустилась на колени перед Лили и в очередной раз выругалась про себя в адрес бывшего мужа. Будто мало того, что он заставил ее почувствовать себя чужой и нежеланной! Нет же — из-за его неспособности держать ширинку на замке и не глазеть по сторонам теперь страдает их дочь, и без того ранимая. Нежно сжав хрупкие плечи Лили, Мэрили заглянула в бледно-голубые глаза.

— У тебя обязательно появятся друзья. Ты хороший человек, Лили, и все девочки захотят стать твоими подружками. Просто будь самой собой, ладно? Не забывай об этом, и все сложится как надо. Виндвудская академия гораздо меньше твоей старой школы, а это для новенькой просто замечательно. Ты быстро со всеми перезнакомишься.

— А если я им не понравлюсь?

В глазах Лили зажегся знакомый огонек, и Мэрили чуть слышно выдохнула с облегчением:

— Я сделаю им предложение, от которого они не смогут отказаться.

Лили рассмеялась своим очаровательным смехом, похожим на звук, с каким лопаются пузырьки шампанского. Чувство вины, терзавшее Мэрили за то, что она однажды оставила на DVD «Крестного отца», уже изжило себя. Это случилось в ту ночь, когда она узнала об измене Майкла и, уложив детей спать, решила посмотреть жестокие фильмы, в которых много крови

и нецензурных слов. На следующий день Лили случайно запустила «Крестного отца» вместо «Принцессы-невесты» и за пять минут, которые ушли у Мэрилы, чтобы это осознать, увидела больше насилия, чем за все свои десять лет. После многочисленных извинений и лекций о том, чем фильмы отличаются от настоящей жизни, этот эпизод стал поводом для тайных намеков и шуток. Несколько недель Мэрилы опасалась за психическое здоровье дочери, но зато наконец поняла, как все-таки хорошо, что Лили мудра не по годам.

Мэрилы выпрямилась. Правое колено ныло, напоминая о том, почему супруг променял ее на молодую учительницу модельной внешности.

— И насчет английского не волнуйся. В спецкласс тебя направили, потому что ты умница и справишься. Но если тебе там не понравится, перейдем в другой класс — просто попробуй, ладно? Это все, о чем я прошу.

Маленькая грудка Лили поднялась и с преувеличенно печальным вздохом опустилась.

— Ладно. Сказать Колину, чтоб собирал чемодан?

— Я велела ему это сделать три часа назад. Где он?

Лили поджала губы, не зная, как ей быть. Доносить не хотелось, но она любила, когда все делается по правилам.

— Он нашел на заднем дворе дырку, а теперь сидит рядом и ждет, кто из нее выползет.

Мэрилы подавила печальный вздох. Ее восьмилетний сын всегда жил по собственному распорядку, изучая окружающий мир с той неспешностью, с какой считал нужным. Мэрилы находила эту особенность очаровательной и в то же время пугающей — особенно по

утрам, когда, вместо того чтобы собираться в школу, Колин предпочитал выяснять, сколько зубной пасты может вытечь из тюбика, прежде чем придется его сжать.

— Напомни ему, пожалуйста, что мы с миссис Прескотт договорились встретиться в три, а сейчас почти половина третьего. Ей девяносто три года, и я не хочу, чтобы она ждала нас на такой жаре.

— Хорошо, мам. — Лили пулей выскочила из комнаты. Светлые волосы разлетались во все стороны. Она звала брата тем суровым, властным тоном, в котором Мэрили узнала свой собственный и закусила губу, когда ей захотелось напомнить дочери, что у Колина уже есть мать.

Подхватив стопку контейнеров, она направилась в гараж, где стоял теперь только выдавший виды минивэн «Хонда Одиссей», который она купила на свои деньги. Она оставила Майклу «Мерседес» и «Ауди», желая убрать из своей жизни все, что с ним связано, пусть даже в этом списке были сиденья с подогревом и ультрасовременная стереосистема. Дело принципа. А уж если у нее и было чего-нибудь в избытке, так это принципов.

Сквозь раскрытую заднюю дверцу машины Мэрили заметила косметичку в дальнем углу. В ней лежали фигурки «Лего», некогда принадлежавшие ее брату. Она забрала их без спроса, зная, что мама никогда в жизни не позволит ей взять что-нибудь из вещей Дэвида. Дианн считала, будто смерть сына — лишь ее горе, а страдания всех остальных недостаточно сильны, чтобы иметь хоть какое-то значение. Поэтому Мэрили забрала их без спроса, сунула в косметичку и там хранила,

вынимая лишь раз в год, в день гибели Дэвида, будто это помогло бы вернуть его обратно. Все это случилось давно, но Мэрили по-прежнему прятала косметичку в ящике с носками, как будто боялась, что мать найдет ее и потребует фигурки обратно. Как будто Дэвид навсегда остался не по годам развитым семилетним мальчишкой, так и не став мужчиной двадцати девяти лет, каким мог бы стать.

Сложив на заднее сиденье маленькие коробки и чемоданы, Мэрили в последний раз прошлась по комнатам опустевшего дома, где ей довелось прожить меньше двух лет. Съемное жилище уже было обставлено, так что она с большим облегчением отдала Майклу всю мебель, которую они вместе покупали на протяжении одиннадцати лет, и ощутила сожаление, лишь когда в грузовик затаскивали кровать с балдахином. На этой кровати были зачаты оба их ребенка. Мэрили подумала, что если когда-нибудь еще увидит Тэмми Гарви, получившую в наследство ее кровать и мужа, то непременно сообщит ей об этом.

Она еще немного побродила из комнаты в комнату, слушая, как звук шагов эхом отдается от голых стен. Этот дом так и не смог стать для нее родным, и четыре предыдущих дома — тоже. Майкл считал, что нужно переезжать раз в несколько лет, в соответствии с карьерным ростом и повышением статуса. Все эти дома были в пределах одного района, чтобы детям не приходилось менять школу. Так им будет легче учиться, говорил Майкл. А ему — легче крутить роман с учительницей, поняла Мэрили гораздо позже.

Она подумала — хорошо, что ей приходилось переезжать так часто. Оставить любимый дом было бы так

же больно, как разорвать одиннадцатилетний брак. Или похоронить собаку. А так вышло легко, будто снять пластырь — немного пощиплет, но забудется, едва они распакуют первую коробку в новом доме.

Дети, плюхнувшись на заднее сиденье, пристегнулись, Мэрили в последний раз проехала по подъездной дорожке и покатила вперед, не оглядываясь. Никто из соседей не вышел попрощаться. Она толком ни с кем не познакомилась — всегда была занята, не имела в наличии столько свободного времени, чтобы заводить друзей, поэтому и не ожидала, что провожать ее будут торжественнее, чем встречали.

Помахала на прощание охраннику у дверей, и первые капли дождя тут же упали на сухой асфальт, на грязное ветровое стекло, уже заляпанное останками множества насекомых. Дождь и насекомые. Мэрили подумала: вот достойная церемония прощания с прежней жизнью, которую она еще не в силах была отпустить, но и держаться за нее не собиралась. Потом подумала о коробках со старыми картами, лежавшими в багажнике, снова и снова напоминавшими о непостоянстве всего земного, о том, что все меняется, и не важно, хотим мы этого или нет.

ДУШКА

Душка Прескотт сидела за обеденным столом в гостиной старого дома и печатала письмо лучшей подруге, Уилле Фэй Маккензи Кокс, на машинке «Смит-Корона» 1949 года; рядом стоял флакон штрих-корректора. Душка редко им пользовалась, но всегда держала под рукой, просто на всякий случай. В восемьдесят три года

не так много времени, чтобы тратить его понапрасну. А у Уиллы Фэй времени, чтобы ждать письмо, предостаточно. Дочь только что отвезла ее в дом престарелых, очаровательно именуемый «Особняк». В бездетности есть свои плюсы, думала Душка, — во всяком случае, не придется столкнуться с таким унижением; тебя не отправят в подобное заведение, будто коробку со старыми игрушками, из которых уже выросли, но выбросить рука не поднимается.

Она огляделась, не желая пропустить момент, когда появятся новые жильцы. Она никогда раньше не встречала ни Мэрилы Данлап, ни ее детей, но Робин Хендерсон, агент по продаже недвижимости, которая занялась сдачей старого коттеджа за фермой Душки, говорила обо всех троих только хорошее. Дети Робин ходили в одну школу с детьми Данлапов, поэтому Робин была в курсе всех подробностей развода. Душка не любила сплетен, но умела внимательно слушать. Ей показалось, коттедж — хорошее место, чтобы пережить тяжелый период и понять, что делать дальше. Не то чтобы Душка горела желанием заводить друзей, но у нее было чувство, что Мэрилы Данлап, какой бы она ни была, вдруг осталась совершенно одна и ей нужна помощь. А Душка прекрасно понимала, что значит быть совершенно одной. Она подозревала, что в последние годы размякла, но отрицала бы, если бы кто-то попытался убедить ее в этом.

Допечатав последнее слово, она вынула лист из каретки, поднялась и подошла к окну. Дождь утих, оставив смазанный, водянистый пейзаж; плетистые розы у крыльца, раскисшие от воды, раскрылись всеми лепестками, словно жадно дышали. Маленькое озеро